

На правах рукописи

Дергунов Александр Алексеевич

**ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент
Суменков Сергей Юрьевич

Официальные оппоненты: **Туранин Владислав Юрьевич**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права

Репьев Артем Григорьевич
доктор юридических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Академия управления
Министерства внутренних дел Российской
Федерации», профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин

Ведущая организация – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»
(юридический факультет)

Защита диссертации состоится «24» апреля 2025 г. в 15 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.390.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, стр. 1, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» и на сайте: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/06-12-2024-1d.pdf>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

В. В. Нырков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Каждый этап общественного развития подразумевает конституирование благ, обладающих особой ценностью именно в этот конкретный темпоральный период действительности. Для государства, как организации публичной власти, более чем необходимо учитывать тенденции устремления интересов субъектов, аккумулировать их в себе и направлять на реализацию общих, групповых и индивидуальных целей. Тем самым достигается эффективность государственного управления социумом, привносится гармонизация в распределении благ, создается требуемый баланс в конгломерате различных, зачастую противоречивых интересов. Арсенал средств, имеющихся в распоряжении государства, благодаря которым происходит консолидация многочисленных притязаний, должен быть облечен в юридически значимую официальную форму. Подобный правовой инструментарий, нивелирующий коллизионные устремления и обеспечивающий единую для всех и вместе с тем индивидуально значимую пользу, постоянно востребован и неизменно привлекает внимание, в большей степени усиливающееся в трудные, сложные моменты существования государства, поскольку характеризует социальную парадигму государства и его способность гарантировать соблюдение подлинных, а не формальных требований справедливости, равенства и гуманизма.

В числе юридических средств, ориентированных на реальное претворение указанных идеалов и одновременно на удовлетворение разноректорного спектра законных интересов, важнейшее место занимает преимущественное право. Это объясняется квинтэссенцией преимущественного права, которое подразумевает нормативно закреплённую возможность получения соответствующего блага, обозначающего и воплощающего в себе какую-либо ценность.

Изучение преимущественного права детерминирует его понимание как автономного правового преимущества с гиперболизировано выраженной инструментальной направленностью. Фиксация преимущественного права в юридических нормах позволяет оперировать им как при предоставлении блага, так и для определения тех ценностей, которые являются таковыми с точки зрения государства. Подобное интерпретирует особую востребованность преимущественного права на практике.

В то же время посредством преимущественного права может быть принесен вред в общественные отношения и нарушен паритет разнородных интересов их участников. Возможность злоупотребления преимущественным правом обусловлена тем, что оно олицетворяет собой благо, имеющее ценность, градируемое, которое негативно сказывается на политической конъюнктуре и идеологическом воздействии.

Концентрация преимущественным правом качеств индикатора благ конкретной исторической эпохи, с одной стороны, предписывает манифестирование преимущественного права как юридического средства ранжирования этих благ; с другой стороны, потенциальная несоразмерность объективным и субъективным факторам наделения благами неизбежно отрицательно влияет на социум. Тем самым очевидная необходимость научных изысканий в проекции к преимущественному праву продиктована запросами как юридической науки, так и практики.

Актуальность проблематики преимущественного права именно для общей теории права эксплицирована потребностью в выработке его единой легальной дефиниции, отличительных признаков, критериев классификации и форм выражения, целевого и функционального предназначения, механизма реализации преимущественного права, а также отграничения от схожих правовых феноменов.

Значимость заявленной темы в ракурсе освещения именно с общетеоретических позиций объясняется также межотраслевым характером проявления преимущественного права, равно как и закрепление его в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям законодательства.

Степень научной разработанности проблемы. Роль преимущества как основания дифференциации между людьми и реального воплощения наличия блага у одних и отсутствия у других всегда привлекало внимание представителей наук гуманитарного профиля, прежде всего, философии, политологии, социологии, истории, экономики. Об этом писали отечественные и зарубежные мыслители, среди которых А.Д. Градовский, К.А. Неволин, М. Вебер, М.М. Ковалевский, А. Маслоу, Дж. С. Милль, К. Маркс, Ф. Ницше, П. Сорокин, Э. Хекшер, А. Шопенгауэр, Ф. Энгельс.

В дореволюционной юридической науке проблематику правовых преимуществ изучали Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Н.П. Павлов-Сильванский, Л.А. Петражицкий, Ф. Регельсбергер, К.Д. Ушинский, Л.А. Шалланд, Г.Ф. Шершеневич. Среди авторов советского, а равно современного периода можно назвать таких ученых, как В.И. Афанасьева, С.С. Алексеев, В.М. Баранов, И.С. Барзилова (Морозова), С.В. Ворошилова, А.С. Емельянов, А.В. Малько, И.Н. Сенякин, С.Ю. Суменков.

Важнейшее место в концепции о правовых преимуществах занимает докторская диссертация А.Г. Репьева, непосредственно посвященная преимуществам в российском праве¹.

Различные аспекты правовых преимуществ рассматривались в публикациях отраслевого характера, прежде всего, в контексте конституционного права. Корреляцию преимуществ в праве и принципа

¹ См.: Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2020.

правового равенства рассматривали В.В. Бондарь, Ю.В. Капралова, Г.Н. Комкова.

Непосредственно преимущественное право в наибольшей степени разработано в цивилистических науках, в частности, в трудовом праве, семейном праве и, безусловно, гражданском праве, в котором особый акцент направлен на освещение преимущественного права покупки.

Наличие преимущественного права в различных, в том числе и публично-правовых отраслях, а равно объективация его в разноуровневых источниках (формах) права детерминируют освещение преимущественного права именно в общетеоретическом ракурсе. Между тем среди ученых-теоретиков, которые подвергли анализу преимущественное право, можно назвать только труды таких авторов, как А.Г. Репьев, Н.Н. Хрони, В.Ю. Туранин. Высоко оценивая их научные изыскания, стоит заметить, что они, в проекции к преимущественному праву, носят сопутствующий либо фрагментарный характер.

Указанная пробельность в теории права, актуализированная запросами практики, требует отдельного монографического исследования такого сложного и важного феномена, как преимущественное право.

Объект исследования. Объектом диссертационной работы выступают общественные отношения, состояние, специфика и развитие которых связаны с присутствием преимущественного права как нормативно закреплённой возможности, предусматривающей обладание социально значимым благом.

Предмет исследования. Предметом исследования выступает преимущественное право как закреплённая в юридических нормах возможность получения блага, имеющего соответствующую ценность, его признаки и критерии классификации, юридико-лингвистическая специфика, целевое предназначение, инструментальная направленность и функциональный потенциал.

Цель исследования. Целью диссертационного исследования служит формирование общетеоретических начал концепции о преимущественном праве как самостоятельном правовом преимуществе, включающей в себя его генезис, дефиницию, признаки, основания дифференциации, цели, средства и функции.

Достижению цели исследования способствует разрешение следующих **задач**:

- показать историческую ретроспективу эволюции преимущественного права, подтверждающего своеобразие преимущественного права как правового преимущества и необходимость его объективации как автономного юридического феномена;

- доказать, что преимущественное право олицетворяет собой нормативно закреплённую возможность некоторых субъектов на получение блага, обладающего определенной ценностью;

- сформулировать авторскую дефиницию преимущественного права и осветить характеризующие его признаки;
- провести юридико-лингвистический анализ преимущественного права, подтверждающего, что оно выступает как нормативный термин, отображающий отдельный сегмент правовых преимуществ;
- выявить критерии классификационного деления преимущественного права, иллюстрирующие сложность, полиформичность и разнообразие;
- разработать целевую парадигму преимущественного права, ориентированного на обеспечение участников правоотношений благом, представляющим для них соответствующую ценность;
- аргументировать восприятие преимущественного права как юридического средства, детерминирующего использование как форму его реализации, конвергентность с дозволением, имплементацию в диспозитивный метод;
- раскрыть функциональный потенциал преимущественного права, свидетельствующий о его важной роли в правовой регламентации и направленности на удовлетворение законных интересов.

Методологическая основа исследования. Методологический арсенал работы включает комплекс методов, благодаря которым обеспечивалось изучение предмета диссертации, достижение ее цели и разрешение задач. Магистральным методом выступил диалектический материализм, позволивший отграничить преимущественное право как преимущество от его противоположности в виде ограничения, репрезентовать преимущественное право как благо, выявить ценностный эквивалент последнего.

Логический метод способствует установлению причинно-следственной связи между предоставляемым благом и наличием преимущественного права у субъекта, обладающего специальным статусом.

Исторический метод обеспечивает возможность проиллюстрировать объективную необходимость выделения преимущественного права как особого рода преимущества, зависящего, в том числе, от конъюнктурных факторов.

Системно-структурный метод способствует постулированию концепта о преимущественном праве как самостоятельном структурном компоненте системы правовых преимуществ.

Герменевтика как метод была задействована при оценке лексического воплощения преимущественного права в нормативном тексте.

Кибернетический метод привносит в изучение заявленной проблематики гипотезу о необходимом разнообразии жизни, обуславливающую появление преимущественного права.

Функциональный метод помогает раскрыть инструментальную природу преимущественного права и основные направления его воздействия на общественные отношения.

Сравнительно-правовой метод используется для освещения специфики наличия преимущественного права как в различных отраслях права, так и законодательства.

Формально-юридический метод необходим для дефинирования преимущественного права и отграничения его от близких по смыслу правовых феноменов.

Теоретическая основа исследования. Теоретический базис диссертационного исследования составляют труды представителей общей теории права, таких как С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, А.М. Васильев, Н.А. Власенко, О.Э. Лейст, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, И.Н. Сенякин, Т.Н. Радько, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Черданцев.

Необходимость освещения отдельных аспектов проблематики исследования обусловила обращения к работам Л.Ф. Апт, С.А. Белоусова, С.В. Ворошиловой, М.Л. Давыдовой, А.В. Корнева, А.А. Малиновского, В.Ю. Панченко, Д.Е. Петрова, В.М. Сырых, В.А. Толстика, О.И. Цыбулевской.

Восприятие преимущественного права как правового преимущества детерминировало изучение трудов В.Ю. Туранина, А.Г. Репьева, С.Ю. Суменкова, Н.Н. Хрони.

Межотраслевой характер преимущественного права потребовал учета достижений отраслевых юридических наук, прежде всего, административного права, гражданского права, конституционного права, семейного права, трудового права, финансового права.

Сложная природа преимущественного права потребовала апеллирования к изысканиям не только юридических, но и иных гуманитарных наук, в частности, истории, педагогике, политологии, психологии, социологии, филологии, философии.

Нормативно-правовая основа исследования. Преимущественное право не может существовать без имплементации его в норму права, находящей свою объективацию в нормативном акте как основной форме современного российского права. Соответственно, нормативной базой диссертации служит законодательство Российской Федерации, включающее в себя совокупность нормативных актов различного уровня. В их число входят федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также многочисленные и разнообразные подзаконные нормативные акты, к которым относятся указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней, акты органов местного самоуправления, локальные и корпоративные акты.

Особую группу источников составляют нормативные договоры, устанавливающие преимущественное право, а также нормативные правовые акты ретроспективного характера.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую основу диссертации составляют правоприменительные и правоинтерпретационные документы, направленные на реализацию или интерпретацию нормативных предписаний, в которых зафиксировано преимущественное право. Это распорядительные акты Президента РФ, а также распоряжения Правительства РФ и иные акты органов государственной исполнительной власти. В эмпирический фундамент работы входят также акты судебных органов всех звеньев и уровней судебной системы России, акты прокурорского реагирования, акты Центрального банка России, муниципальные акты и акты организаций, учреждений и предприятий различных форм собственности и ведомственной принадлежности.

Научная новизна исследования. Новизна диссертации детерминирована рассмотрением преимущественного права в качестве самостоятельного и специфичного правового преимущества.

Новшеством отличается анализ исторической эволюции преимущественного права, доказывающий неизбежность выделения преимущественного права как особой разновидности правового преимущества.

Квинтэссенцией диссертационного исследования, иллюстрирующей его новаторство, служит определение преимущественного права как нормативно закрепленной возможности получения блага, имеющего ценность. Нетривиальной новеллой работы выступает размежевание преимущественного права с субъективным правом, а равно признание преимущественного права как феномена исключительно позитивного права.

Новаторством характеризуется юридико-лингвистический анализ преимущественного права, позволивший сделать вывод о том, что преимущественное право относится к нормативным терминам.

Оригинальность присуща классификации преимущественного права, презюмирующей у него наличие таких подвидов, как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право.

Заслуживает внимания авторская позиция о соотношении дифференциации целей в праве с целевым предназначением преимущественного права.

Аргументированным представляется концепт об инструментальной природе преимущественного права, олицетворяющего разноплановые юридические средства.

Новационной является гипотеза о когерентности функциональной направленности преимущественного права, с одной стороны, и правового регулирования и правового воздействия – с другой.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Доказывается, что преимущественное право изначально существовало в качестве правового преимущества, наряду с привилегиями, льготами, иммунитетами. В отличие от них, преимущественное право сразу не получило

лексического выражения в нормативных текстах. Детерминантой выделения преимущественного права выступают как объективные, так и субъективные факторы. К первым относится наличие реального сегмента общественных отношений, одни из участников которых наделяются преимущественными правами по сравнению с другими, что служит действенным социальным индикатором. К числу субъективных аспектов вербализации преимущественного права относятся совершенствование правотворческой техники, политическая конъюнктура и идеологические установки.

2. Постулируется, что преимущественное право – это самостоятельная разновидность правовых преимуществ, подразумевающая юридически закрепленную эксклюзивную возможность отдельных субъектов претендовать, в соответствии со специальными правилами, выступающими дополнением к общим предписаниям, на нормативно оговоренное благо.

Тем самым к признакам, присущим преимущественному праву, относятся: автономность в системе правовых преимуществ; воплощение в абстрактно-нормативной модели, обозначающей закрепленную в нормах права возможность; олицетворение установленного правотворческим образом блага, имеющего ценность в соответствующем сегменте действительности; корреляция с особым порядком регламентации, выражающаяся в имплементации в специальных нормах, воплощении в специальных правилах и отражении в специальном правовом статусе; доминирование дополнения как предоставления в сверх, в расширение социально значимого блага по отношению к основному; эксклюзивность, предусматривающая определенную конкретизацию субъектов, наделенных возможностью обладания благом и в доминанте своей ее непередаваемостью иным лицам.

3. Иллюстрируется сложное соотношение между преимущественным правом и субъективным правом. Общим между ними служит то, что преимущественное право и субъективное право представляют собой нормативно зафиксированную возможность. Это качество преимущественного права коррелирует с таким правомочием субъективного права, как право-поведение. Равно существует конвергентность преимущественного права с иными правомочиями субъективного права, такими как право-требование, право-притязание, право-пользование.

Различие между преимущественным правом и субъективным правом заключается в восприятии такого компонента субъективного права, как право-поведение. Преимущественное право, в отличие от субъективного права, подразумевает исключительно возможность получения блага, в то время как субъективное право более разноректорно в выборе права на собственные действия. Субъективное право априори диспозитивно, а преимущественное право при общем превалировании диспозитивности допускает зависимость от императивно установленных нормативных предписаний, ограничивающих альтернативы вариаций поведения.

Субъективное право относится к естественному праву; преимущественное право – это во многом октроированное право, возникшее вследствие правотворчества государства либо санкционирования им соответствующей правотворческой деятельности и потому находящееся сугубо в рамках права в его нормативном понимании.

4. Аргументируется, что преимущественное право в его лексическом выражении предстает как юридический термин, который, будучи имплементирован в формально определенный источник права, предстает как нормативный термин. В качестве последнего преимущественное право отличается строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием.

Преимущественное право и правовое преимущество коррелируют друг с другом как юридический термин и правовое понятие. Как термин преимущественное право отображает отдельный сегмент понятия «правовое преимущество», воплощая собой предусмотренную возможность получения блага. Правовое преимущество как правовое понятие относится к понятиям науки права, имеющее доктринальное значение и объективируемое в соответствующих правовых терминах.

Преимущественное право характеризуется отсутствием единой легальной дефиниции, поскольку нормы, в которых оно установлено, выступают в большинстве своем как нормы-правила поведения, провозглашающие его наличие и (или) регламентирующие порядок реализации.

5. Утверждается, что важнейшим основанием градации преимущественного права, подтверждающим его когерентность с объективным правом, является его дифференциация по форме внешнего выражения на зафиксированное в правовом обычае, нормативном договоре, нормативном правовом акте с однозначным превалированием последнего. Имплементация преимущественного права в источник позитивного права обуславливает деление преимущественного права в зависимости от прямого, отсылочного либо бланкетного способа изложения нормы.

Корреляция преимущественного права с формой права и юридической нормой детерминирует его классификацию по соотношению системы права как содержания и системы законодательства как формы. Такая классификация позволяет сделать вывод о наличии преимущественного права как в отраслях публичного, так и частного права, а равно об отсутствии в нормах процессуального права.

Преимущественное право может дифференцироваться на необремененное условиями и обремененное условиями. Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта. Это позволяет условно стратифицировать преимущественное право на общее и специальное. Сепарация преимущественного права распространяется на субъекты, им обладающие, и на объекты, на которые оно направлено.

Субъекты, обладающие преимущественным правом, предельно разнообразны; их преимущественное право может обозначаться как предписанное, приобретенное и смешанное.

Многообразием характеризуются объекты, на которые распространяется преимущественное право субъектов; отличительной чертой объектов служит отсутствие преимущественного права на бездействие.

6. Презюмируется, что преимущественное право неоднородно и разнопланово в проекции предоставления блага. Архитектонику преимущественного права помимо него составляют такие феномены, как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право, с которыми преимущественное право соотносится как целое и части.

Внеочередное право, аккумулируя в себе свойства исключения и преимущественного права, обуславливает возможность получения преимущества теми субъектами, которые не находятся в очереди на обладание благом.

Первоочередное право, напротив, неотделимо от отношений очередности, подразумевая то, что обладатель данного права, находясь в очереди, претендует на получение блага в первую очередь, по сравнению с иными участниками данных отношений.

Приоритетное право концентрирует качества преимущественного права, с одной стороны, и юридического приоритета, с другой – олицетворяя собой нормативно зафиксированное первенство на получение блага как преимущества.

Прагматизм и целевая предопределенность синтагм «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право» порождают множество их фразеологических вариаций, закрепленных в нормативном тексте.

Преимущественное право как доминантное ядро и внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право как его производные составляют конгломерат особых прав, вариативно регулирующих возможность получения блага.

7. Обосновывается, что цели преимущественного права обусловлены таким качеством, как причинность, детерминирующая их фиксацию в юридических нормах как непосредственно, так и в завуалированном порядке и обуславливающая целевую направленность на достижение запланируемого результата.

Цели преимущественного права полностью соответствуют признакам правовой цели, что порождает и объясняет их дифференциацию. Магистральной (конечной) целью преимущественного права является привнесение принципов справедливости и гуманизма в регулируемую правом сферу социальной жизни.

Общеправовой целью выступает удовлетворение преимущественным правом законных интересов субъектов правоотношений, что привносит

гармонизацию в многочисленные, разнообразные, зачастую коллизионные интересы и потребности.

Частной целью преимущественного права служит предоставление какого-либо социально значимого блага, которое подразумевает обладание преимущественным правом.

В одном ассоциативном ряду с общеправовой целью и частными целями находятся и специальные цели преимущественного права, имеющие значение для отрасли права либо для института права.

Специальные цели в ракурсе их иной классификации можно обозначить как цели-задачи, то есть конкретизированные ориентиры, которые индуцируют установление преимущественного права. С ними коррелирует цель-модель, которая в проекции к преимущественному праву направлена на конструирование модели правоотношений, корреспондирующей как объективным, так и субъективным факторам процессов дифференциации, нивелирующих риски наступления дисбаланса законодательства.

Цели преимущественного права относятся к истинным и реальным, что подтверждается наличием средств, необходимых для их реализации, а равно выполняемыми преимущественным правом функциями.

8. Декларируется, что преимущественное право как юридическое средство направлено на достижение поставленных целей, прежде всего, на удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений. Внедрение преимущественного права в правовую норму и дальнейшая объективация в соответствующей форме права позволяют утверждать о преимущественном праве как о средстве-инструменте. При этом преимущественное право находит свое выражение и как средство-правореализации, спецификой которого служит отсутствие жесткой и обязательной корреляции с актами правореализации, носящими правоустанавливающий характер.

Преимущественное право в инструментальном аспекте может оказывать прямое воздействие на участника общественных отношений самим фактом своего наличия, точнее имплементацией в норму права, что позволяет включать преимущественное право как в правовое регулирование, так и в правовое воздействие. Это объясняет и одновременно обуславливает соответствие использования права как магистральной формы реализации преимущественного права, дозволения как важнейшего способа его осуществления, диспозитивного метода как основополагающего метода правового регулирования, задействованного там, где фигурирует преимущественное право.

Использование, дозволение, диспозитивность детерминируют правовую активность, инициативность и информированность субъекта о нормативной возможности получения значимого для него блага. Подобное не умаляет роли компетентных органов публичной власти, обязанных защищать и гарантировать нормативно зафиксированное преимущественное право.

9. Отмечается, что главной особенностью функционала преимущественного права служит его конвергенция с правовым регулированием и правовым воздействием.

Правовое регулирование индуцирует специально-юридические функции преимущественного права, которыми являются регулятивная и охранительная. Преимущественное право объективно выступает необходимым регулятором, расширяя потенциал возможностей субъекта и внедряя дополнительные правомочия или (и) секвестрируя какие-либо ограничения. Превалирующей для преимущественного права служит регулятивно-динамическая функция, хотя оно некоторым образом характеризуется и выполнением регулятивно-статической функции.

Охранительная функция выступает вторичной, по сравнению с регулятивной, и обусловленной ею функцией преимущественного права.

Общие функции преимущественного права связаны с его корреляцией с правовым воздействием, сложность которой порождает дуализм набора функций преимущественного права. Ценностно-ориентационная составляющая правового воздействия предопределяет реализацию преимущественным правом экономической, политической, идеологической, воспитательной функций. Названные функции подразумевают ценности, олицетворяющие благо для индивида, социальной группы, общества и государства и предопределяющие ориентационную направленность поведения или (и) развития.

Информационный компонент правового воздействия обуславливает, соответственно, информационную и сопряженную с ней коммуникативную функции.

Деление функционального потенциала преимущественного права, несмотря на имеющуюся демаркацию, несколько условно, о чем свидетельствуют его прикладные функции. К таким функциям, носящим сугубо утилитарный характер, относятся стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая функции преимущественного права.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация направлена на освещение преимущественного права как самостоятельного компонента системы правовых преимуществ. Тем самым происходит расширение научных знаний о правовых преимуществах, их системе и разновидностях, составляющих данную систему.

Изучение преимущественного права нивелирует пробельность в общей теории права, вызванную отсутствием определения преимущественного права, его признаков, оснований классификации, целевого и функционального предназначения. Восприятие преимущественного права как зафиксированной возможности получения блага, имеющего ценность, обуславливает анализ возможности в праве, рассмотрение сущности блага в юриспруденции, осмысление ценности как правового феномена.

Познание преимущественного права детерминирует осознание проблемных аспектов специального правового статуса субъектов, которые могут претендовать на обладание преимущественным правом, а равно специальных норм и правил, регламентирующих его наличие и порядок предоставления.

Интегрирующей составляющей, подчеркивающей теоретическую значимость исследования, служит проведенное в нем разграничение преимущественного права от иных правовых преимуществ, а равно описание отличительных признаков его подвидов: внеочередного права, первоочередного права, приоритетного права.

Предельно широкий спектр распространения преимущественного права диктует его присутствие в различных отраслях права и (или) законодательства, что привносит особую значимость трактовки преимущественного права в общетеоретическом ракурсе для отраслевых юридических наук.

Практическая значимость исследования. Диссертация характеризуется очевидной прагматической направленностью. Подобное объясняется, прежде всего, неразрывной взаимосвязью преимущественного права с правом в объективном смысле, априори предполагающим имплементацию преимущественного права в юридическую норму, находящую свое выражение в официально признанных формах, среди которых превалирует нормативный правовой акт. Это обусловило доминирование правотворчества в проекции к преимущественному праву, ибо оно устанавливается и манифестируется исключительно в ходе правотворческой деятельности. Соответственно, имеющиеся в работе выводы и положения могут оказаться полезными и потому востребованными субъектами правотворчества. Положительное влияние предложенных рекомендаций охватывает как юридико-технические, так и содержательные аспекты. В первом случае – это точность терминологического внедрения преимущественного права; во-втором – обозначение в качестве преимущественного права надлежащего феномена, а именно такой возможности получения блага, обладающего той или иной ценностью. Доводы, выдвинутые в диссертации, вполне могут способствовать оптимизации использования норм, декретировавших преимущественное право, в частности, затрагивающих порядок его реализации. Аналогичным образом выдвинутые умозаключения могут позитивно повлиять на толкование того, что следует считать преимущественным правом, кому оно принадлежит и на каких условиях предоставляется.

Работа имеет также дидактическое значение, поскольку затрагивает проблемы правового равенства и специального правового регулирования. Положения диссертации находят свое применение в педагогической деятельности автора в ходе преподавания курсов «Теория государства и права» и «Проблемы теории государства и права».

Кроме того, учитывая межотраслевой характер преимущественного права, следует отметить значимость рассматриваемой тематики для учебных дисциплин, изучающих нормы конкретных отраслей права.

Апробация результатов исследования. Основополагающие выводы и положения по теме диссертационного исследования были отражены в 12 научных трудах автора. Из них 8 статей опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Наиболее значимые результаты были представлены в ходе выступлений на научно-практических конференциях международного уровня, среди которых: XXIV Международный научно-практический форум «Юртехнетика» «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года); Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова (г. Иркутск, октябрь–ноябрь 2022 года); Международная научно-практическая конференция «Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицина)» (г. Москва, 22–23 декабря 2022 года); VII Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, 16–19 мая 2023 года).

Диссертация подготовлена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», на заседаниях которой проходило ее обсуждение и рецензирование.

Структура диссертации. Структура диссертационного исследования обусловлена его логикой, целью и задачами, предопределена объектом и предметом работы. Работа включает в себя введение, две главы, первая из которых содержит четыре параграфа, а вторая – три, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, обозначаются его объект, предмет, цель и задачи, методологическая основа; раскрывается степень научной разработанности заявленной проблемы; доказывается научная новизна; приводятся положения, выносимые на защиту; освещаются теоретическая и практическая значимость, а также результаты апробации диссертации и ее структуры.

Первая глава «Преимущественное право как общеправовой феномен» включает в себя четыре параграфа, направленные на изучение преимущественного права с позиций теории права. В главе освещается эволюция преимущественного права, выделяются его признаки и предлагается дефиниция, проводится юридикто-лингвистический анализ данного словосочетания, называются основания классификации существующих преимущественных прав.

В первом параграфе первой главы «Генезис преимущественного права как правового преимущества» отмечается, что преимущественное право аккумулирует в себе два краеугольных компонента, имеющих огромное цивилизационное значение, а именно преимущество и право. Первичным выступает именно преимущество, появление которого обусловлено различиями между людьми, в доминанте своей носящими объективный характер (в частности, так называемые половозрастные привилегии). Социальная дифференциация находит свое воплощение в том числе в форме преимуществ, которыми обладают некоторые субъекты в отличие от других. Подобного рода преимущества имплементируются в обычаи и традиции родовой общины, выступая в качестве одного из регуляторов общественных отношений.

Возникновение государства детерминирует появление права как совокупности издаваемых либо санкционируемых государством юридических норм. В последних фиксируется право одних субъектов на преимущественное положение в различных аспектах жизни социума. При этом такое закрепление происходит первоначально в правовых обычаях, религиозных текстах, имеющих юридическое значение, а затем уже в текстах нормативных правовых актов.

Преимущество как многоаспектное явление отражается в специальной терминологии, прежде всего в таких синтагмах, как «привилегия», «льгота», «иммунитет», «прерогатива». Однако используемые термины априори предназначались для регламентации определенного сегмента социальной сферы и были не в состоянии охватить все многообразие общественных связей. Более того, употребление не соответствующих реальному континууму нормативных операторов зачастую приводило к коллизии правового регулирования либо отвергалось вследствие негативного восприятия (например, слово «превосходство»).

Усложнение социальной сферы способствовало тому, что преимущественное положение отдельных социальных групп, зафиксированное в нормативном предписании, не всегда получало точного лексического обозначения. Прежде всего, подобное относится к преимущественному праву, олицетворяющему возможность некоторых претендовать на обладание каким-либо благом.

Между тем такая возможность находила свое отображение в римском праве, а также в нормативных актах более поздних исторических периодов. В качестве иллюстрации в работе анализируются положения законодательства императора Священной Римской империи Оттона I Великого (962–973), Русской Правды, Салической правды, Ясы Чингисхана, Соборного уложения 1649 г.

Объективная потребность в улучшении правовой регуляции, наряду с совершенствованием юридической техники обусловило внедрение указанного фразеологического оборота в нормативный текст.

Словосочетание «преимущество право» появляется в германском законодательстве позднего Средневековья в части, регламентирующей имущественные отношения. Аналогичным образом термин «преимущество право» начинает использоваться в Российской империи (первое упоминание – Устав купеческого водохозяйства 1781 г.). Однако самое раннее вербальное воплощение в российских правовых актах синтагма «преимущество право» получила в документе, относящемся к учредительным документам, регламентирующим основы государственной власти¹.

Широкое распространение дефиниция «преимущество право» получает в советском законодательстве. Субъекты правотворчества, стремясь избежать слово «привилегия», начинают активно внедрять термин «преимущество право», верно подразумевая под ним право на определенные блага.

Масштабные преобразования и последующий затем распад СССР повлекли активное использование преимущества права. С одной стороны, имплементация преимущества права в юридические нормы отражала актуальные тенденции, в частности, в экономике как эволюционирующем базисе общественных отношений; с другой – в условиях сопровождающей реформы деградации социальной сферы преимущество право, предоставляемое некоторым субъектам, выступало как инструмент в какой-то степени обеспечивающий их социальные гарантии

В настоящее время в правовой системе России лексема «преимущество право» повсеместно распространена, встречается в различных отраслях права и законодательства, обозначает специфический обособленный феномен, имеющий место быть в юридической практике.

Анализ эволюции преимущества права позволяет утверждать, что детерминантой его выделения выступают как объективные, так и субъективные факторы. К первым относится наличие реального сегмента общественных отношений, одни из участников которых наделяются преимущественными правами по сравнению с другими, что служит действенным социальным индикатором. К числу субъективных аспектов вербализации преимущества права относятся совершенствование правотворческой техники, политическая конъюнктура и идеологические установки.

Второй параграф первой главы «Дефиниция и признаки преимущества права» служит квинтэссенцией диссертации, поскольку в нем выдвигается авторское определение преимущества права и презюмируются его признаки.

Прежде всего, констатируется теоретически обоснованное существование системы правовых преимуществ (А.Г. Репьев), все компоненты которой

¹ Манифест от 28 ноября 1741 г. «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущества права Ее Величества на Императорскую Корону».

направлены на удовлетворение законных интересов субъектов. При этом доказывается, что преимущественное право представляет собой автономный компонент системы правовых преимуществ, а не является разновидностью какой-либо составляющей последней, в частности особой правовой процедуры. В качестве магистрального довода, подтверждающего данную апорию, аргументируется концепт о том, что преимущественное право относится к статике, а особая правовая процедура – к динамике права, воплощаемой в претворении в действительность нормативных предписаний. Более того, иллюстрируется, что преимущественное право в доминанте своей реализуется посредством особой правовой процедуры, что свидетельствует о близости данных феноменов, не означающей их тождества.

Самостоятельность преимущественного права как правового преимущества подтверждают его характеристики, выражающиеся в соответствующих отличительных признаках. Среди них ключевое значение имеет обозначение преимущественного права как юридически закреплённой возможности на получение определёнными субъектами какого-либо заранее нормативно оговорённого блага.

Преимущественное право наделено всеми качествами, присущими правовой возможности (Н.И. Матузов). Так, оно подразумевает получение социально значимого блага и поэтому также имеет социальную природу; опосредуется правом и может существовать только тогда, когда оно закреплёно в тексте нормативного акта, ориентируется на диспозитивность и возможность усмотрения участника правоотношений. При корреляции преимущественного права с действительностью, как категории парной возможности первичной служит действительность, ибо олицетворяемая им возможность появляется только с момента правотворческого объективирования. В таком контексте преимущественное право целесообразно рассматривать как абстрактно-нормативную модель, предусматривающую нормативно закреплённую возможность на получение какого-либо блага.

При этом благо, которое предусматривается преимущественным правом, должно иметь определённую (постоянную либо темпоральную) ценность, способствующую удовлетворению законных интересов субъектов. В нормативной регуляции подобное достигается посредством изъятий или (и) дополнений. Преимущественное право может воплощаться в изъятиях из общего правила, однако превалирующим способом выступает именно дополнение. Преимущественное право, благодаря дополнению, даёт возможность предоставить (а, значит, и получить) какое-либо благо в сверх, в дополнение к основному. Тем самым аргументируется вывод о том, что механизм осуществления преимущественного права как раз и состоит в имплементации дополнительной возможности на обладание благом в нормативное предписание.

Фигурирование дополнений и, хотя и значительно реже, изъятий в проекции к преимущественному праву детерминирует закрепление его в специальных юридических нормах. Последние воспринимаются как общеобязательные нормативные предписания, действующие параллельно, наряду с общими (И.Н. Сенякин). Специальные нормы, соответственно, учреждают специальные правила, в том числе коррелирующие с присутствием преимущественного права в правовой регламентации. Преимущественное право как специальное правило не находится в коллизии с общим предписанием, поскольку не противоречит, а дополняет его, учитывая специфику того или иного сегмента социальных отношений.

Апперцепция преимущественного права как специального правила, объективированного в специальную юридическую норму, неизбежно обуславливает вопрос о соотношении преимущественного права и специального правового статуса. Преимущественное право априори характеризует специальный статус лица, причем в некоторых случаях императивно, по самому факту принадлежности к той или иной социальной страте.

Обязательная нормативная оговорка о присутствии преимущественного права в специальном статусе субъектов позволяет определять преимущественное право в качестве их эксклюзивного правомочия, во многом служит квинтэссенцией преимущественного права как нормативно закрепленной возможности на получение блага, которая предоставляется не всем, а лишь отдельным категориям субъектов, диапазон которых установлен специальной нормой права. Такие субъекты, характеризующиеся наличием специального статуса, являются эксклюзивными обладателями преимущественного права. Эксклюзивность преимущественного права подтверждается тем, что в доминанте своей его нельзя передать иным участникам правоотношений.

Таким образом, констатируется своеобразие преимущественного права как самостоятельного правового преимущества, отличающегося не только от особой правовой процедуры, но и от иных смежных феноменов. В частности, такие преимущества, как привилегия, льгота, иммунитет, относятся к исключениям из правил (С.Ю. Суменков); преимущественное право олицетворяет собой специальное правило. Необходимо также учитывать, что привилегия, по сравнению с преимущественным правом, прежде всего социальная, а затем уже правовая категория, которая может быть внедрена как в специальный, так и индивидуальный статус. Льготы предназначены для социально уязвимых слоев населения; диапазон субъектов, которые могут обладать преимущественным правом, значительно шире. Иммунитет подразумевает преимущества при привлечении к юридической ответственности, в сфере которой не может быть никаких преимущественных

прав. Приоритет предполагает первоочередность как преимущество; преимущественное право не всегда связано с отношениями очередности.

Тем самым, резюмируя сказанное, выделяются следующие признаки преимущественного права: автономность в системе правовых преимуществ; воплощение в абстрактно-нормативной модели, обозначающей закрепленную в нормах права возможность; олицетворение установленного правотворческим образом блага, имеющего ценность в соответствующем сегменте действительности; корреляция с особым порядком регламентации, выражающаяся в имплементации в специальных нормах, воплощении в специальных правилах и отражении в специальном правовом статусе; доминирование дополнения как предоставления в сверх, в расширение социально значимого блага по отношению к основному; эксклюзивность, предусматривающая определенную конкретизацию субъектов, наделенных возможностью обладания благом и в доминанте своей ее непередаваемостью иным лицам.

Преимущественное право – это самостоятельная разновидность правовых преимуществ, подразумевающая юридически закрепленную эксклюзивную возможность отдельных субъектов претендовать, в соответствии со специальными правилами, выступающими дополнением к общим предписаниям, на нормативно оговоренное благо.

В третьем параграфе первой главы диссертации *«Преимущественное право как юридический термин»* отмечается, что преимущественное право интегрирует две языковые единицы, способствуя аккумуляции в себе сущностных качеств составляющих его слов.

Обозначение преимущественного права как лексического оборота детерминирует его корреляцию с таким феноменом, как правовое преимущество. Последнее олицетворяет собой правовое понятие, традиционно градирующееся на «понятие права» и «понятие науки права», имеющее сугубо доктринальное значение (Н.А. Власенко).

При этом отмечается наличие терминосистемы правовых преимуществ, ядром которой как раз и выступает правовое преимущество, как исключительно научное, но не умозрительное понятие.

Преимущественное право в его лексическом выражении понимается как юридический термин, который, будучи имплементирован в формально определенный источник права, предстает как нормативный термин. Тем самым преимущественное право и правовое преимущество коррелируют друг с другом как юридический термин и правовое понятие.

Обращается внимание, что преимущественное право полностью соответствует основополагающим характеристикам юридических терминов (В.Ю. Туранин). В частности, преимущественное право отличается строгой формальной определенностью и предельно ясным содержанием, отражает определенный сегмент понятия правового преимущества, воплощая собой

предусмотренную возможность получения имущественного либо неимущественного блага.

Преимущественное право как специфический юридический термин занимает свое собственное автономное место как в терминосистеме правовых преимуществ, так и в правовых актах нормативного и правоприменительного ракурса.

Внедрение преимущественного права в текст нормативного источника обуславливает позиционирование его в качестве легальной дефиниции (Л.Ф. Апт). Некоторые нормы, содержащие лексему «преимущественное право», действительно обладают дефинитивным характером настолько, насколько это позволяет сочетание в праве абстрактного и конкретного. Другие нормы, также оперирующие названным термином, выступают как нормы-правила поведения, в большинстве своем регламентирующие порядок реализации предоставленного преимущественного права. Отмечается, что единой легальной дефиниции преимущественного права не существует в силу как содержательных, так и технико-юридических аспектов.

Преимущественное право нельзя также определять и в качестве категории. Характеристики последней (А.М. Васильев) нивелируют саму постановку вопроса о восприятии преимущественного права как категории права и, тем более, как правовой категории.

Воплощение в преимущественном праве нормативно закрепленной возможности порождает вопрос о том, можно ли обозначать его в качестве субъективного права. Несмотря на определенные нюансы (в частности, отсутствие в законодательстве конструкции преимущественной обязанности, непосредственно противостоящей преимущественному праву), надо признать наличие множества точек соприкосновения преимущественного права и субъективного права в проекции к составляющим последнее правомочиям.

Однако отсутствие полной зависимости реализации преимущественного права от сознания и воли индивида служит причиной сомнения обозначения преимущественного права как субъективного, усугубляющегося недопустимостью восприятия преимущественного права как естественного, принадлежащего индивиду априори, вне зависимости от присутствия в объективном праве.

Преимущественное право – органичный и неотъемлемый компонент объективного права, презюмируемый как нормативно-правовое предписание, то есть как надлежаще оформленное властное веление правотворческого субъекта.

Четвертый параграф диссертационного исследования «Классификация преимущественного права» посвящен критериям дифференциации преимущественного права. Классификация преимущественного права доказывает реальное присутствие данного феномена в нормативной регуляции

общественных отношений, иллюстрируя его полиморфию и наличие в реальных сегментах последней.

Важнейшим основанием градации преимущественного права, подтверждающим его когерентность с объективным правом, является дифференциация по форме внешнего выражения на преимущественное право, зафиксированное в нормативном правовом акте, нормативном договоре, правовом обычае.

Основополагающей формой права служит нормативный правовой акт, многообразие которого детерминирует стратификацию преимущественного права в зависимости от закрепления в различных видах законов и подзаконных актов.

Преимущественное право, воплощенное в нормативном договоре либо правовом обычае направлено на детализацию либо дополнение того преимущественного права, которое установлено в нормативном правовом акте, являясь вспомогательным по отношению к последнему.

В свою очередь взаимосвязь преимущественного права и нормы права, имплементированной в источник позитивного права, обуславливает деление преимущественного права в зависимости от прямого, отсылочного либо бланкетного способа изложения нормы, содержащей преимущественное право в нормативном правовом акте либо договоре с нормативным содержанием.

Взаимообусловленность юридической нормы и источника объективного права в проекции к преимущественному праву детерминирует его классификацию в зависимости от соотношения системы права как содержания и системы законодательства как формы. Так, выделяют преимущественное право, закрепленное в отрасли законодательства, которой не коррелирует отрасль права; преимущественное право, объектированное в норме отрасли права, не имеющей отдельной отрасли законодательства; преимущественное право, внедренное в норму отрасли права, которой соответствует отрасль законодательства.

Предложенная классификация позволяет сделать вывод о наличии преимущественного права как в отраслях публичного, так и частного права, а равно об отсутствии данного феномена в нормах процессуального права, что еще раз подчеркивает неверность рассмотрения преимущественного права сквозь призму особой правовой процедуры. В свою очередь разновекторность и бланкетность некоторых сгруппированных норм, предусматривающих преимущественное право, дают возможность определять их совокупность в контексте преимущественного права как комплексный институт (Д.Е. Петров).

Преимущественное право может дифференцироваться в зависимости от метода правового регулирования на императивное, диспозитивное, рекомендательное и поощрительное. Такая классификация приемлема, но только с учетом изначальной императивности преимущественного права.

Диспозитивность преимущественного права проявляется в возможности его принятия либо отказа. Наличие такого основания предопределяет деление преимущественного права на не обремененное условиями и обремененное условиями. Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта.

Концепт об условиях, сопровождающих преимущественное право, обоснован тогда, когда речь идет о вспомогательных уже по отношению к специальным условиям, связанным с преимущественным правом.

Такая градация позволяет стратифицировать преимущественное право на общее и специальное, что обосновывает взаимосвязь преимущественного права именно со специальным правовым статусом субъекта и одновременно допустимость подразделения его на бесконечно большое количество разновидностей последнего.

Непременная интеграция специального статуса и его подвидов с преимущественным правом детерминирует сепарацию преимущественного права на субъекты, им обладающие, и на объекты, на которые оно направлено. Субъекты, в отношении которых предусмотрено наличие преимущественного права, гиперболизировано разнообразны; их преимущественное право может обозначаться как предписанное, приобретенное и смешанное.

Многообразием характеризуются и объекты, на которые распространяется преимущественное право субъектов; отличительной чертой таких объектов служит отсутствие преимущественного права на бездействие.

Важным представляется классификация преимущественного права в зависимости от лингвистического выражения в нормах права (как содержания) и источнике права (как форме). По такому основанию можно выделить собственно преимущественное право и такие его разновидности, как внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право.

Внеочередное право, аккумулируя в себе свойства исключения и преимущественного права, обуславливает возможность получения преимущества теми субъектами, которые не находятся в очереди на предоставление блага.

Первоочередное право, напротив, неотделимо от отношений очередности, подразумевая то, что обладатель данного права, находясь в очереди, претендует на получение блага в первую очередь, по сравнению с иными участниками данных отношений.

Приоритетное право концентрирует качества преимущественного права, с одной стороны, и юридического приоритета – с другой, олицетворяя собой нормативно зафиксированное первенство на получение блага как преимущества.

Прагматизм и целевая предопределенность синтагм «внеочередное право», «первоочередное право», «приоритетное право» порождает множество их фразеологических вариаций, закрепленных в нормативном тексте.

Вторая глава «Преимущественное право: специфика инструментальной нагрузки» аккумулирует в себе три параграфа, в которых раскрываются целевые и функциональные основы преимущественного права, дается его оценка как юридического средства.

В первом параграфе второй главы «Целевое предназначение преимущественного права» отмечается, что цели преимущественного права находят свою фиксацию в юридических нормах, выражающихся в формах права, прежде всего в нормативных актах. Такие цели обозначаются как непосредственно, так и в завуалированном порядке.

Цель преимущественного права обусловлена таким качеством, как причинность (Р.ф. Иеринг). Именно реально существующая причина детерминирует правотворческую имплементацию преимущественного права, имеющего целевую направленность на достижение запланируемого результата.

Цели преимущественного права полностью соответствуют признакам правовой цели (А.В. Малько). Последняя предполагает моделирование преимущественным правом состояния общественных отношений, желаемого государством; удовлетворение путем предоставления благ законных интересов участников этих отношений; общеобязательную нормативность преимущественного права; наличие арсенала юридических средств, позволяющих достигать заявленную цель; гарантированность единообразия практической реализации преимущественного права.

Характеристики правовой цели, коррелирующие с целями преимущественного права, во многом объясняют их стратификацию.

Магистральной (конечной) целью преимущественного права является привнесение принципов справедливости и гуманизма в регулируемую правом сферу социальной жизни. Общеправовой целью выступает удовлетворение преимущественным правом законных интересов субъектов правоотношений. Преимущественное право может концентрировать в себе государственные, общественные, групповые и индивидуальные интересы. Такая аккумуляция не является самоцелью, а приносит гармонизацию в различные и зачастую противоречивые, многочисленные и разнообразные интересы и потребности.

Частной целью преимущественного права, связанной с непосредственным удовлетворением законных интересов, служит предоставление какого-либо социально значимого блага, олицетворяет которое как раз преимущественное право.

В одном ассоциативном ряду с общеправовой целью и частными целями находятся и специальные цели преимущественного права, имеющие значение для отрасли права либо для института права.

Специальные цели в ракурсе их иной классификации можно обозначить как цели-задачи, то есть конкретизированные ориентиры. С ними коррелирует цель-модель, которая в проекции к преимущественному праву направлена на конструирование модели правоотношений, корреспондирующей как

объективным, так и субъективным факторам процессов дифференциации, нивелирующих риски наступления дисбаланса законодательства. Цели преимущественного права относятся к истинным и реальным.

Во втором параграфе второй главы «Преимущественное право как юридическое средство» репрезентируется то, что преимущественное право, как и всякое юридическое средство, направлено на достижение цели. Однако целеполагание преимущественного права актуализировано непосредственной направленностью на достижение конечной цели, а именно удовлетворение законных интересов субъектов.

В таком ракурсе следует рассматривать неразрывность и взаимосвязь преимущественного права с целевым вектором, детерминирующим его инструментальную природу.

Преимущественное право может выступать в качестве юридического средства исключительно как средство-инструмент. Только имплементация преимущественного права в правовую норму и дальнейшая объективация в соответствующей форме права (прежде всего, в форме нормативного правового акта) позволяют утверждать о преимущественном праве как о юридическом инструментарии.

Преимущественное право находит свое воплощение и как средство-правореализации. Но, в отличие от многих иных юридических средств, у преимущественного права отсутствует жесткая и обязательная корреляция с актами правореализации; последние в проекции к преимущественному праву, зачастую носят лишь правоустанавливающий характер.

Преимущественное право в инструментальном аспекте может оказывать прямое воздействие на субъекта общественных отношений самим фактом своего наличия, точнее воплощения в государственно-властном предписании – норме права. Это позволяет включать преимущественное право не только в правовое регулирование, но и в правовое воздействие, а точнее, в механизмы обоих феноменов.

Присутствие преимущественного права как в механизме правового регулирования, так и в механизме правового воздействия в доминанте своей объясняет и одновременно обуславливает соответствие использования права как магистральной формы его реализации, дозволения как важнейшего способа его осуществления, диспозитивного метода как основополагающего метода правового регулирования, задействованного там, где фигурирует преимущественное право, а равно диспозитивных норм, в которых оно фиксируется.

Использование, дозволение, диспозитивность детерминируют правовую активность, инициативность и информированность субъекта о нормативной возможности получения блага, олицетворяющего для него определенную ценность. Подобное не умаляет роли компетентных органов публичной власти,

обязанных защищать и гарантировать правотворческим образом установленное преимущественное право.

Третий параграф второй главы диссертации «Функции преимущественного права» посвящен функциональной нагрузке преимущественного права.

Генеральной особенностью функционала преимущественного права служит его конвергенция со следующими бинарными феноменами: целями и средствами, а равно правовым регулированием и правовым воздействием.

Функциональная направленность преимущественного права формируется под влиянием стоящих перед ним целей; это в свою очередь обуславливает восприятие преимущественного права как особого юридического средства, функционально направленного на достижение целей.

Инструментальная сущность преимущественного права вызывает дифференциацию его функций в проекции к правовому регулированию и правовому воздействию (Т.Н. Радько).

Функциями, репрезентируемыми правовым регулированием, являются регулятивная и охранительная, традиционно обозначаемые как специально-юридические.

Магистральной функцией преимущественного права следует назвать регулятивную. Преимущественное право, основанное на диспозитивном методе правового регулирования и ориентации на дозволение, объективно выступает необходимым регулятором общественных отношений; оно расширяет потенциал возможностей субъекта, внедряя дополнительные правомочия или (и) секвестрируя какие-либо ограничения.

Преимущественное право, регулируя соответствующие отношения, регламентирует основания, условия и порядок наделения соответствующим благом; определяет субъектов, которые могут (а иногда и должны) использовать предоставленное им дозволение на получение блага; описывает само это благо, а равно возможность и процедуру его реализации.

Традиционное деление регулятивной функции на регулятивно-динамическую и регулятивно-статическую затрагивает и функции преимущественного права. Доминантой для преимущественного права служит регулятивно-динамическая функция, однако оно некоторым образом характеризуется и выполнением регулятивно-статической функции.

Охранительная функция детерминирована правовым регулированием и является вторичной по отношению к регулятивной функцией преимущественного права. Преимущественное право, охраняя, регулирует, а регулируя, охраняет желаемое с точки зрения государства состояние и развитие правоотношений. Охрана преимущественного права может быть в виде судебной защиты, осуществляемой как по инициативе заинтересованного субъекта, считающего, что именно его преимущественное право было

нарушено, так и в виде инициативной реакции компетентных органов государства.

Общие функции права также присущи для преимущественного права и коррелированы с правовым воздействием. Сложность природы последнего порождает дуализм набора функций преимущественного права. В частности, ценностно-ориентационная составляющая правового воздействия предопределяет реализацию преимущественным правом экономической, политической, идеологической, воспитательной функций. Названные функции подразумевают ценности, олицетворяющие благо для индивида, социальной группы, общества и государства и предопределяющие ориентационную направленность поведения или (и) развития.

Экономическая функция присуща преимущественному праву вследствие многочисленной имплементации его в нормах, регламентирующих гражданско-правовые отношения.

Политическая функция преимущественного права объясняется тем, что подразумеваемая им возможность получения блага официально оформляется и воплощается во властных решениях, обусловленных в том числе и политической конъюнктурой.

Идеологическая функция преимущественного права заключается в иллюстрировании правильности и целесообразности наделения им соответствующего субъекта, обоснования специального социально-экономического статуса последнего.

Преимущественное право осуществляет воспитательную функцию. С одной стороны, посредством предоставления преимущественного права происходит формирование воспитательных установок в отношении иных субъектов, преимущественным правом не обладающих. С другой стороны, воспитательному процессу подвергаются носители преимущественного права, так или иначе вынужденные вести себя соответствующим образом. Разнородность данных тенденций не отрицает возможности их интегрирования на практике.

Информационный компонент правового воздействия обуславливает, соответственно, информационную и сопряженную с ней коммуникативную функции.

Преимущественное право выполняет информационную функцию, поскольку оно обязательно воплощается в юридическом тексте. Последний и содержит правовую информацию, которая влияет на правосознание субъекта, коррелируя с правовой информированностью, способствует осведомленности субъекта о преимущественном праве, благе им олицетворяемом, возможности и порядке его получения.

Представленный алгоритм информационного воздействия позволяет трактовать такую функциональную нагрузку преимущественного права, как его информационную функцию в общем (широком) смысле.

Можно выделить также информационную функцию преимущественного права в узком (специальном) смысле. Здесь преимущественное право непосредственно предписывает предоставление (раскрытие) соответствующей информации, либо возможность его получения напрямую связана с информированием соответствующего субъекта.

Коммуникативная функция свойственна преимущественному праву потому, что оно априори предназначено для обеспечения взаимодействия различных участников правоотношений, в особенности в ходе его реализации.

Влияние ценностно-ориентационного и информационного компонентов правового воздействия на выполняемые преимущественным правом функции парадоксальным образом свидетельствует о когерентности ценностно-ориентационного и информационного компонентов последнего. Демаркация, конечно, присутствует, но имеет весьма условный характер.

Об интеграции функций преимущественного права, детерминированных как правовым регулированием, так и правовым воздействием, во всем их многообразии свидетельствуют прикладные функции анализируемого феномена. К таким функциям, носящим сугубо прагматический характер, относятся стимулирующая, компенсационная, конкретизирующая функции.

Преимущественное право выполняет стимулирующую функцию потому, что стимулирование изначально предполагает предоставление какой-либо ценности; к тому же стимулирующая функция кооптирована с дозволениями, выступающими доминантным способом получения преимущественного права.

Стимулирующая функция преимущественного права условно делится на два подвида. Первый – непосредственный, в котором стимул фиксируется напрямую в соответствующем нормативном акте либо в акте правоприменения. Второй подвид стимулирующей функции преимущественного права можно условно обозначить как косвенный, в котором стимулирование подразумевается в соответствующей перспективе.

Компенсационная функция преимущественного права заключается в воздаянии (возмещении) посредством предоставления преимущественного права (а значит, и возможности получения блага, имеющего ценность для субъекта) различного рода сложностей и трудностей, связанных с осуществлением им деятельности, в которой заинтересовано государство.

Конкретизационная функция преимущественного права обусловлена стратификацией специального статуса того или иного участника правоотношений на подвиды, в зависимости от чего и происходит наделение преимущественным правом.

В **заключении** подводятся итоги диссертации, формулируются основные выводы, подчеркивается перспективность дальнейшего исследования преимущественного права, особенно в условиях его актуализации и возрастания числа субъектов, претендующих на преимущественное получение блага; отмечается необходимость изучения и, соответственно, оптимизации проблем

реализации нормативных предписаний, устанавливающих преимущественные права.

**По теме диссертационного исследования
автором опубликованы следующие работы:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации*

1) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения / А.А. Дергунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 116-121. (0,5 п.л.).

2) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право как компонент специального статуса государственных служащих / А.А. Дергунов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 51-54. (0,5 п.л.).

3) *Дергунов, А.А.* Историко-правовой анализ преимущественного права как общетеоретического феномена / А.А. Дергунов // Genesis: исторические исследования. 2022. № 5. С. 73-86. (0,5 п.л.).

4) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения / А.А. Дергунов // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 34-43. (0,6 п.л.).

5) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право, внеочередное право, первоочередное право, приоритетное право: единство, различие, взаимосвязь / А.А. Дергунов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 3 (152). С. 54-63. (0,6 п.л.).

6) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право: формы нормативного объективирования / А.А. Дергунов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 13-15. (0,5 п.л.).

7) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право как общеправовой феномен: многообразие классификационных оснований / А.А. Дергунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 118-122. (0,5 п.л.).

8) *Дергунов, А.А.* Легальная дефиниция «преимущественное право»:

функциональность наличия и наличие функционала / А.А. Дергунов // История государства и права. 2023. № 12. С. 48-55. (0,5 п.л.).

Публикации в иных научных журналах и изданиях

9) *Дергунов, А.А.* Изменения лексемы «преимущественное право»: от термина гражданского права до общеправового понятия / А.А. Дергунов // Юридическая техника. 2023. № 17: Материалы XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2023. С. 507-509 (0, 4 п.л.).

10) *Дергунов, А.А.* Обеспечение блага как цель преимущественного права / А.А. Дергунов // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций (октябрь – ноябрь 2022 г.) / отв. ред. и сост. М. Ю. Спирин; [науч. ред. С. А. Комаров, И. А. Кузьмин]. Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 21-30 (0,5 п.л.).

11) *Дергунов, А.А.* Преимущественное право и субъективное право: попытка осознания различий / А.А. Дергунов // Исторические трансформации правосознания в пространстве различных традиций права (памяти профессора В.М. Курицина) : Международная научно-практическая конференция, 22-23 декабря 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. А. И. Клименко]. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023 С. 194-198. Научное электронное издание. (0,4 п.л.).

12) *Дергунов, А.А.* Градация понятия, термина, дефиниции, категории: юрико-лингвистический анализ на примере синтагмы «преимущественное право» (0,5 п.л.). / А.А. Дергунов // Язык. Право. Общество : сб. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16-19 мая 2023 г.) / под общ. ред. О.В. Барабаш; редкол.: О.В. Барабаш, Н.А. Павлова, С.С. Пашковская. Пенза: Изд-во: ПГУ, 2023. С. 122-125. (0,4 п.л.).